

ПОЕДИНОК

вне темы: продолжение дискуссии

«Идем, холодный, недвижимый товарищ!» О переводах Ф. Ницше на русский (!?) язык

А.В. Перцев

Уральский государственный университет им. А.М. Горького, философский факультет
620083, Екатеринбург, ул. Ленина 51

На статью А.В. Перцева «О русских и русскоязычных переводчиках», опубликованную в № 3 «Хоры» за 2008 г., был дан ответ в журнале «Пушкин». В отсутствие оппонента победа в заочном поединке была присуждена К. Свасьяну и И. Эбаноидзе.

Мы, будучи изданием хорошо информированным, узнали о том, что готовится ответ К. Свасьяна и оповестили об этом А.В. Перцева. Он откликнулся статьей, которую мы приводим ниже. Поскольку полемика требует быстрого отклика, мы сочли необходимым поместить материал в текущий выпуск, вне темы.

Как это ни печально, а приходится всё же признать: для большинства россиян Фридрих Ницше по сей день остается фигурой пугающей и непостижимой. Именно по этой причине одни всячески избегают знакомства с его произведениями, а другие, обмирая от собственной храбрости, так и тянутся к ним — особенно в юные годы.

Почему же Ницше пугает?

Потому что пугает все непонятное.

А Ницше непонятен — потому, что *неважно* переведен на русский язык.

Знарок немецкого языка ныне редок в российских пределах. Если же он встречается, то занят не философией, а бизнесом с германскими партнерами. Стало быть, большинству россиян остается только читать Ницше в дореволюционных еще переводах. Но тот, кто доверяется переводчикам Ницше, обречен — в лучшем случае, на недопонимание, а в худшем — на мистический ужас и тотальное недоумение¹.

© А.В. Перцев, 2009.

¹ Сказанное не относится к переводам В.М. Бакусева, А.В. Гараджи и А.И. Жеребина, опубликованным в 7, 12 и 13 томах издаваемого Институтом философии РАН полного собрания сочинений Ф. Ницше. См.: Ницше Ф. Полн. собр. соч. В 13-ти т. М.: Изд-во «Культурная революция». Т. 12. 2005. Т. 13. 2006. Т. 7. 2007. Коллег надо поздравить с явной удачей.

Вот, убедитесь сами: разве не натерпится ужаса тот, кто прочитает следующий афоризм, который, по уверениям переводчика, принадлежит перу Ф. Ницше?

«**Утешения.** В случае смерти чаще всего нуждаешься в утешениях не столько для того, чтобы смягчить силу скорби, сколько для того, чтобы оправдать, что так легко чувствуешь себя утешенным»¹.

С первого раза, конечно, смысл сказанного понять невозможно. Но после пятого или шестого прочтения чудовищный смысл афоризма начинает понемногу проясняться.

«В случае смерти чаще всего нуждаешься в утешениях...»

До сих пор было принято полагать, что «в случае смерти» уже не нуждаешься абсолютно ни в чем — даже в утешениях.

Но, видимо, так бывает только с людьми заурядными.

А перед нами, видимо, откровенные признания особого существа, которое имеет богатый опыт смерти и буднично делится им.

Для этого существа смерть — *всего лишь случай.*

Этакая житейская коллизия, которая случается с ним частенько.

И существо может отнестись к этим *случаям смерти* чисто статистически. Оно может, не моргнув глазом, хладнокровно отметить, что *чаще всего* в случае смерти нуждаешься в утешениях. *Реже* — не нуждаешься. Но всё-таки *чаще* — нуждаешься.

Читателю остается только ужаснуться: Фридрих Ницше описывает какого-то вурдалака, то и дело умирающего, а потом воскресающего, словно какой-то граф Дракула Задунайский. Впрочем, персонаж Ницше будет даже покруче знаменитого упыря. Тот, судя по голливудским кинофильмам, все же умирал непрозаично, со всем подобающим драматизмом и саспенсом. А описываемое Ницше существо даже и в ус не дует — смерть, мол, дело житейское. Поддающееся статистическому анализу.

У читателя захватывает дух. Так вот он какой, оказывается, этот знаменитый сверх-человек...

Как же тут не испугаться и не объявить Ницше мистиком-иррационалистом?

* * *

Спешим успокоить читателя: этот регулярно умирающий тип, который делится своим посмертным опытом, ничего общего с Ницше не имеет. Он — всего лишь выдумка переводчика. Впрочем, даже и не выдумка, а невольнo получившаяся поделка его корявых рук. Как пелось в некогда популярной песенке юного неумелого волшебника, «сделать хотел грозу, а получил козу».

На самом же деле Ницше хотел сказать вовсе не то, что ему приписывают.

Он заметил — и это подтверждает современная психология — что во время похорон родные и близкие пребывают в каком-то одурманенном состоянии — их чувства притупляются, они, кажется, не вполне осознают, что происходит. В этот момент человек стыдится своей бесчувственности — ведь умерший заслуживал неизмеримо большей скорби!

Вот здесь-то тебе и протягивают руку помощи окружающие: они начинают утешать тебя — и дают тебе возможность оправдаться в собственных глазах: наверное,

¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч. В 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 457 (Перевод выполнен и опубликован в 1911 году С.Л. Франком, отредактирован в эпоху перестройки К.А. Свасьяном).

тебя так активно утешали, что сильно утешили, а потому твоя скорбь и уменьшилась до столь малых размеров.

(Конечно, окружающие помогают тебе таким образом не из чистого альтруизма. Им тоже стыдно своей бесчувственности, и они рассчитывают на ответную помощь от тебя — на твои утешения.)

На самом деле ты — вовсе не бесчувственный чурбан. Просто мать-природа хорошо позаботилась о тебе. Она не дает тебе почувствовать всю силу скорби сразу, немедленно. Это — мудро. Иначе бы воин во время битвы, увидев, как гибнет его лучший друг, не смог бы сражаться от горя — и тоже погиб. Твои родные, близкие и соратники гибнут в критических ситуациях — и ты должен быть поразительно черствым в такие моменты, чтобы справиться с ударами судьбы, несмотря на потери. Зато потом, иногда — долгое время спустя, скорбь накатит на тебя со всей силой. Чувство непоправимости происшедшего может нахлынуть спустя месяцы или годы — когда ты вдруг остро почувствуешь, насколько тебе не хватает навсегда ушедшего человека.

Как видим, у Ницше есть только *отсроченная скорбь*, но нет и не было никаких регулярно умирающих и регулярно воскресающих монстров, которые в случае смерти обычно нуждаются в утешениях...

* * *

Читая переводы Ницше, до сих пор имевшие хождение в России, вполне должен был бы заподозрить неладное даже тот, кто не знает немецкого языка или никогда не видел работ этого философа в оригинале. Ведь сам Ницше считал себя выдающимся стилистом — едва ли не реформатором немецкого языка, который он довел до совершенства. Больше того: и другие тоже признавали его большим мастером слова.

А ведь никак нельзя заподозрить в Ницше великого стилиста, если читать его в русских переводах! Уж больно коряво он порой изъясняется по-русски — просто какое-то невнятное бормотание материи.

Как, спрашивается, он вдохновил такой поэзией на творческие подвиги многих композиторов?

К примеру, Карл Орф в 17 лет был настолько потрясен «Заратустрой», что взялся за сочинение оратории на текст «Ночной песни» из этой книги Ницше, даже не имея систематического музыкального образования. В 1898 году Фредерик Дилиус написал цикл песен на стихи Ницше. Оратории и кантаты с его текстами создавались менее известными композиторами — К. Блейле, А. Дипенброком, Ф. Фришеншлагером, О. Фридом, Э. фон Резничеком. Песни на стихи Ницше писали В. Петерсон-Бергер, А. Веберн, А. Шенберг.

Неужели же все эти композиторы страдали таким поэтическим дурновкусием, что вдохновлялись столь корявыми текстами?

Представим себе на минутку, что А.С. Пушкин обратился бы к А.П. Керн с такой нескладухой, которую переводчики приписывают Ницше:

«Легко я чувствую утешенным себя»...

Многие ли композиторы бросились бы писать музыку на эти стихи? Ведь это был девятнадцатый век, и требования к поэзии предъявлялись более высокие, чем на современных «фабриках звезд»...

* * *

Тяжелое косноязычие, опубликованное в России под видом нищезанятия, имеет с ним мало общего. Тексты Ницше — в лучшем случае полуфабрикаты, которые удовлетворительно переведены с немецкого языка, но теперь их надо еще *перевести на русский язык*¹.

Несовершенство полуфабрикатов — полностью на совести переводчиков. Почему-то выходило так, что за переводы произведений Ницше особенно часто брались люди не *русские*, а всего лишь «*русскоязычные*».

«*Русскоязычными*», в соответствии с нынешней канцелярской традицией, можно было бы называть тех людей, которые вполне способны объясняться по-русски без словаря (и даже защищать ученые диссертации, говоря на научном канцелярите).

Да, можно сказать, что эти люди вполне владеют русским языком — но только в общем и целом. А ведь дьявол, как известно, скрывается в деталях и тонкостях. И вот здесь-то как раз и обнаруживается, люди *русскоязычные*, в отличие от *русских*, деталей в языке не различают и тонкостей не улавливают.

Потому что не обладают *языковым чутьем*.

Не чувствуют язык *инстинктивно*.

У них не возникает какого-то подсознательного чувства, что вот это слово совершенно не подходит вот сюда — хотя и трудно понять, почему именно не подходит. Просто чувствуешь, что этому слову здесь определенно не место, и, стало быть, надо искать другое, подходящее.

Занятие это называется муками творчества. Таких мук не ведают ни русскоязычные люди, ни автоматические переводчики, встроенные в компьютеры. Зато для истинного русского поэта поиски нужного слова — занятие поистине мучительное, вполне способное подвинуть его к запою от осознания своей полной бездарности. Зато «русскоязычный» человек, которому нужно всего лишь *найти синоним*, решит задачу легко: возьмет с полки «Словарь синонимов русского языка» и быстренько подберет там что-нибудь, раз уж нужно. (Впрочем, такую нужду он чувствует редко). Человек русский, наоборот, захлопнет словарь синонимов с досадой и будет мучиться поэтическими поисками неделями и месяцами, пока не найдет единственно подходящее слово, в большинстве случаев — совершенно неожиданное. «Для любви не *названа* цена — лишь только жизнь одна». Попробуйте заменить слово «названа» на какое-нибудь другое!

Говоря строго, никаких синонимов в поэзии нет — здесь возможно только *единственное, снайперски точно найденное слово*.

Но человеку «русскоязычному» все это, конечно, неведомо. Он не замечает чуждости конструкций, заимствованных из других языков — «легко чувствуешь себя утешенным», «начинает становиться быть интересным объясниться в любви».

Человек «русскоязычный» недоумевает: какие тут могут быть претензии, ведь сказано все недвусмысленно. И действительно, формально такое выражение допустимо. Но оно — *коробит*, потому что это — неметчина, высказанная русскими словами.

Русские люди так не говорят.

¹ Подробнее об этом: Перцев А. Фридрих Ницше у себя дома. Опыт реконструкции жизненного мира. СПб: Владимир Даль, 2009.

* * *

Перевод процитированного нами афоризма — того самого, где утверждается, что «в случае смерти нуждаешься в утешениях» — осуществил еще до революции *выдающийся* российский философ С.Л. Франк. Потом его перевод переиздал наш современник, весьма *авторитетный* историк философии К.А. Свасьян, который уверяет нас, что этот «перевод заново отредактирован и выправлен»¹.

Но, при всем уважении к научным достижениям С.Л. Франка и К.А. Свасьяна, приходится признать, что *языковое чутье* у них отсутствует. Не чувствуют они русский язык — и все тут! Хотя, возможно, и считают, что владеют им *свободно* — то есть полагают, что *вольны* изобретать в нем какие угодно слова и выстраивать их в каком угодно порядке. (К.А. Свасьян даже придумал нам слово «*потусторонники*»² — чтобы называть так людей, которые живут по ту сторону добра и зла.)

Но столь безграничная свобода, которую чувствует «русскоязычный» человек в обращении с русским языком, создает комический эффект. Просто непонятно, как это человек не замечает, насколько несуразно изобретенное ими слово или конструкция. Это, как любил каламбурить Ф. Ницше, *не пойдет*, и уж подавно не сможет *танцевать*. Язык немедленно отторгнет все эти несуразные «инновации».

Чтобы окончательно убедиться в «русскоязычности» С.Л. Франка, переведившего «Человеческое, слишком человеческое», приведем еще один красноречивый пример:

«...Не говорит ли человеку природа и разум в пользу многократной женитьбы, например в той форме, что он сначала в возрасте 22 лет женится на более пожилой девушке, которая... может стать его руководительницей через опасности двадцатилетия...»³.

Очень, очень плохо! И крестьянский ребенок, в первый раз пришедший в школу Л.Н. Толстого, не сделал бы таких ошибок, потому что у него, носителя языка, есть языковое чутье — даже при полной неграмотности!

Ведь человеку, про которого пытается говорить С.Л. Франк, *двадцать два* года, а жениться ему надо на девушке *более пожилой*. То есть выходит, что он *пожилой* в свои двадцать два, раз она — *более пожилая*. Ну, может, двадцать три ей или двадцать четыре. А то и все тридцать — глубочайшая старость...

Кроме того, не совсем понятно, зачем уберегать *двадцатидвухлетнего* человека от *опасностей двадцатилетия*? Ведь эти опасности уже остались позади — два года тому назад!

Остается только сокрушаться, что у С.Л. Франка и его редактора К. Свасьяна не было *руководительницы через опасности* перевода...

* * *

Примеры неудовлетворительного перевода Ф. Ницше можно было бы множить и множить. Но и приведенных вполне достаточно, чтобы сделать вывод: Ницше надо переводить заново. Не редактировать уже переведенное до революции «русскоязычными» людьми, а именно *переводить заново*...

¹ См. Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 1. С. 792

² См. Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. С. 774.

³ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч. В 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 424.

Конечно, можно понять коммерческие соображения послеперестроечных публикаторов ницшеанских произведений — надо было успеть раньше конкурентов тиснуть дореволюционные переводы, чуть подредактировав в них откровенные ляпы. Но сегодня, когда оригинальные тексты работ Ницше вполне доступны, читатель легко может убедиться: большинство переводчиков Ницше похожи на того героя одесского анекдота, который спел весь репертуар Карузо — и при этом оказалось, что у Карузо нет ни голоса, ни слуха, а кроме того, он ужасно картавит.

* * *

Впрочем, работы Ницше надо было бы сегодня переводить заново, даже если бы в начале XX века переводчики выполнили свою работу безукоризненно. Ведь каждая культурная эпоха должна иметь свои собственные переводы выдающихся произведений прошлого.

Только упорные сторонники вульгарного материализма, распространявшегося в советские времена под названием *диамата*, продолжают сегодня верить, что существует некая объективная истина — одна на всех! — и мы приближаемся к ней все ближе и ближе.

Применительно к нашей теме такая вера означала бы, что мы, постоянно совершенствуя наши переводы, рано или поздно узнаем, что *действительно*, то есть *на самом деле* говорил Ницше.

Такая вера совершенно ни на чем не основана.

Мы никогда не узнаем этого, потому что любой перевод — а в особенности художественный! — всегда представляет собой тонкую стилизацию. Это более всего относится к переводам Ф. Ницше, который превыше всего ставил эмоциональное воздействие своих текстов на читателя.

Тексты Ницше могут затронуть нашего современника, если он не почувствует с самого начала, что имеет дело с музейным экспонатом. Если только читатель заметит, что текст принадлежит человеку, который жил в другое время и в другой стране, немедленно произойдет отстранение, возникнет дистанция, исключая сопереживание. Текст не захватит читателя, не отзовется в его душе. Или отзовется — но, к сожалению, совсем не так, как хотел его автор.

Современный школьник весело хохочет, читая эпитафию, избранный А.Н. Радищевым для «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй». Даже если учительница и объяснит, что В.К. Третьяковский описывал таким адского пса Кербера, а первый русский революционер А.Н. Радищев, цитируя его, желал показать, насколько ужасен вид российского самодержавия, школьник все равно будет веселиться, слыша про *озорного* пса.

А все потому, что язык текуч, и с каждым веком значения слов меняются. Слово *озорной* уже давно означает *шаловливый, игривый*, и вовсе не означает — *необузданный*. Прежнее значение давно позабыто: только филологи еще помнят, что *озоровали* и *пошаливали* на дорогах в позапрошлом веке вовсе не какие-то милые шутники, а самые настоящие грабители.

* * *

Да, для того, чтобы текст, дошедший из прошлого, не воспринимался как *окаменелость*, как музейный экспонат, не имеющий никакого отношения к современной

жизни, он не должен вызывать ни малейшего лингвистического и исторического *отторжения* и *дистанцирования*.

Почему принято считать, что перевод подобен девушке: либо он красивый, но неверный, либо верный, но некрасивый? Потому, что «верный» перевод является рабским: в случае с Ницше он представляет собой тщетную попытку сохранить строй немецкого языка и буквальное значение немецких слов. В лингвистическом отношении он — некрасив. В психологическом отношении он не способен вызвать у читателя живые, а не архивные чувства и мысли, а потому может заинтересовать собой только какого-нибудь телезатока.

Нет, перевод непременно должен представлять собой искусную стилизацию, меняющуюся с каждым веком — такую, чтобы современник переводчика, читая русский текст, поверил, будто *немец* Ницше *во второй половине XIX века* писал и говорил именно так.

Можно пояснить сказанное на таком примере.

Каждый из наших читателей до сих пор непоколебимо уверен, что князь Святослав — блестящий воин Древней Руси — предупреждал о своем походе врагов, сообщая им: **«Иду на вы!»**

Читая эти слова, читатель уже на школьной скамье испытывал самые живые чувства, проникаясь рыцарским благородством. Нападать врасплох — нечестно и неблагородно! (Именно потому задержался в развитии британский подводный флот. Британская королева, услышав описание субмарины, пришла в недоумение и негодование: «И что же, эта подводная лодка будет атаковать противника, не известив его о своих намерениях и не продемонстрировав ему британского флага?»)

Но ведь Святослав никогда не говорил «Иду на вы!»

По свидетельству летописца, он говорил совсем другие слова:

«И посылаше к странам глаголя: «Хощю на вы ити!»

Так что мы, вкладывая в уста Святослава слова «Иду на вы!», ничуть не приближаемся к так называемой «объективной истине», а намеренно удаляемся от нее. Мы намеренно забываем то, что говорил Святослав (по мнению летописца!), и приписываем ему совсем другие слова — *красивые, но неверные*.

Но можем ли мы поступить иначе?

Читатель вполне может сам судить об этом. Ему достаточно будет представить, как бы он отреагировал в детстве, если бы ему не адаптировали слова Святослава, а преподнесли их на уроке в первоизданном виде. Так и написали бы на доске: **«Хощю на вы ити!»**

Предстал бы Святослав бездарным двоечником, никаких благородных чувств не вызывающим.

Но точно так же он, Святослав, великий князь киевский, не вызвал бы у нас великого чувства гордости за далеких предков, если бы его слова были переведены на современный русский язык абсолютно без всякой исторической стилизации:

«Иду на вас!»

Как-то было бы это чересчур прозаично и неправдоподобно. Языковое чутье немедленно подсказало бы школьнику: больно уж это похоже на современный язык. Наверное, древнерусские витязи все-таки так не говорили...

Именно потому и говорит великий князь киевский Святослав из учебника, глядя на превосходящие силы противника:

«Не посрадим землю Русскую, но ляжем костями тут! Мертвые сраму не имут!»

Только такая стилизация способна убедить современного юного читателя, что именно эти слова говорил *благородный русский воин десятого века*.

Те же самые слова в пересказе византийского хрониста X века Льва Дьякона (и в современном научном переводе) звучат куда бледнее: «Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством. Мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей»¹.

Не пробирает... Скучно, бесцветно, без всякой стилизации — абсолютно современный русский язык.

Этак, пожалуй, и политрук Л.И. Брежнев мог выразиться...

Но и дословно цитировать князя Святослава нельзя, не превращая его сразу же в музейный экспонат:

«Да не посрадим земле Русьские, но ляжем костию ту!

Мъртви бо срама не имам; аще ли побегнем, то срам имам».

* * *

Вопрос тут только в одном: зачем мы вообще пишем историю? Затем, чтобы собрать в музей окаменелости? Затем, чтобы заучить факты и правильные ответы для компьютерного тестирования?

Или затем, чтобы *проникнуться историей*? Чтобы черпать из нее понимание и энергию для сегодняшней жизни?

Ф. Ницше без колебаний выбирал последний вариант ответа.

Он прямо заявлял, что произведения прошлого должны в каждый век *пересказываться заново*.

Значит, и переводы его собственных работ должны регулярно обновляться, чтобы быть *ювелирно точными стилизациями*, а не результатами лингвистического проекторства, изумительно точного, но предполагающего работу с мертвечиной?

* * *

Можно, конечно, быть опытным полемистом, доказывая, что твой перевод хорош — *но только в отсутствие перевода*. Читатель, *которым владеет русский язык*, легко убедится сам, так ли этот перевод хорош, прочитав на пробу несколько предложений — не особо выискивая наиболее сочные. Вовсе не обязательно съедать всю кастрюлю супа, чтобы оценить его вкус.

Вот, прочитаем всего лишь на нескольких соседних страницах:

Ф. Ницше. Веселая наука (перевод К.А. Свасьяна)²

«...Постепенно выросшее из неосмотрительной духовной диеты...» (с. 492).

«...Какое чудовище пародийного сырья привлечет его...» (с. 493).

«Что-то из ряда вон скверное и злое предвещается здесь...» (с. 493).

«Три гордых зверя делят трон — гордый дух, павлин и конь» (с. 494).

«Разглядываешь лучше, чем прежде, произвольные околицы...» (с. 494).

«Мы не какие-нибудь мыслящие лягушки, не объективирующие и регистрирующие аппараты с холодно установленными потрохами» (с. 495).

¹ Цит. по: Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Мол. Гвардия, 1987. С. 118.

² Страницы указаны по изданию: Ницше Ф. Соч. в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т.1.

«Эта гора придает всей местности, над которой она возвышается, особую очаровательность... мы испытываем к ней столь неразумную благодарность... и вот мы взбираемся на нее и испытываем разочарование. Внезапно и сама она и весь окружающий нас ландшафт выглядят точно расколдованными...» (с. 527).

«...Может ли дерево, которому суждено гордо прорасти ввысь, избежать дурной погоды...» (с. 528).

«Существует некое отнюдь не редкое дурацкое смирение, погрязший в котором раз и навсегда оказывается непригодным к тому, чтобы быть учеником познания. Именно: в тот момент, когда человек этого типа воспринимает нечто необычное, он словно бы вертится на ноге...» (с. 535).

Ф. Ницше. Злая мудрость (перевод К.А. Свасьяна)¹

«Тем, как и что считаешь, образуешь всегда вокруг себя дистанцию» (с. 721).

«Я чувствую в себе склонность быть обворованным...» (с. 722).

«Это благородно — стыдиться лучшего в себе, так как только сам и обладаешь им» (с. 723).

«Героизм — таково настроение человека, стремящегося к цели, помимо которой он вообще уже не идет в счет. Героизм — это *добрая воля* к абсолютной самопогибели» (с. 725).

«*Причинять боль тому, кого мы любим*, — сущая чертовщина. По отношению к нам самим таково состояние героических людей: предельное насилие. Стремление упасть в противоположную крайность относится сюда же» (с. 725–726).

«Во мне теперь *острие* всего морального размышления и работы в Европе» (с. 728).

Ф. Ницше. Так говорил Заратустра² (Пер. Ю.М. Антоновского. В примечаниях К.А. Свасьян пишет: «Среди прочих просмотренных мною переводов этот оставлял впечатление более добротного; впрочем, дело не обошлось без тщательной редакторской правки»). Т. 2. С. 773).

«И если они ночью, в своих кроватях, услышат человека, идущего задолго до восхода солнца, они спрашивают себя: куда крадется этот вор?» (с. 7).

«Некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяны, чем иная из обезьян» (с. 8).

«Даже мудрейший среди вас есть только разлад и помесь растения и призрака» (с. 8).

«Захворать или быть недоверчивым считается у них грехом: ибо ходят они осмотрительно» (с. 12)

«Очевидно, я слишком долго жил на горе, слишком часто слушал ручьи и деревья; теперь я говорю им, как козопасам» (с. 12).

«Смотри, чтобы я не пощекотал тебя своею пяткою!» (с. 13).

«...Случилось нечто ужасное, что сделало уста всех немыми и взор неподвижным: он испустил дьявольский крик и прыгнул через того, кто загородил ему дорогу. Но этот, увидев, что его соперник побеждает его, потерял голову и канат; он бросил свой шест и сам еще быстрее, чем шест, полетел вниз, как какой-то вихрь из рук и

¹ Страницы указаны по изданию: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.

² Страницы указаны по изданию: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.

ног... Все в смятении бежало в разные стороны, большею частью там, где должно было упасть тело» (с. 13).

«Поистине, прекрасный улов был сегодня у Заратустры. Он не поймал человека, зато труп поймал он. <...> Идем, холодный, недвижный товарищ...» (с. 14).

P.S. Уже после того, как была написана эта статья, я прочитал суровую отповедь К.А. Свасьяна: пришел, мол, великорусский шовинист Перцев и запрещает всем переводить на русский язык, если кто не соответствует по прописке и национальности. Это неправда. Переводить можно всем, кто знает русский язык. Если кто-то знает его приблизительно, не понимая, что в плохо сделанном предложении может быть много нежелательных смыслов, то он — русскоязычный переводчик. Если понимает — то он русский (по языку, а не по национальной принадлежности; величайший из русских поэтов А.С. Пушкин вовсе не отличался исконными русскими корнями).

Впрочем, есть очень простой тест на определение, русский ты переводчик или русскоязычный. Ты — определенно русскоязычный, если не видишь никаких недостатков в таком предложении из «Заратустры», отредактированном К.А. Свасьяном (глава «О радостях и страстях»):

«Но эта птица свила у меня гнездо себе, поэтому я люблю и прижимаю ее к сердцу — теперь на золотых яйцах она сидит у меня».

Счастливого тестирования!